

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предельная по своим обобщениям интеллектуальная оптика Модерна выбрана для данной работы сознательно. Поскольку только Модерн может быть интегрирующим Современность мерилom разнообразной феноменологии политической повседневности, которая при схождении с уровня нормативной политической теории к теориям «среднего уровня» оказывается автономной друг от друга. Даже если метаморфозы новейшего российского Модерна просто «открепить» от феноменологии политических изменений капиталистической миросистемы – интеллектуальная перспектива уже оказывается ограниченной. Связи и закономерности, внутренне присущие проекту Модерна, обнаруживаются именно в попытках сложить многоликую мозаику столь неодновременной и противоречивой Современности-Модерна.

Безусловно, Модерн является одним из предельно абстрактных обществоведческих обобщений. Автор исходил из вовсе не очевидного тезиса, что Модерн как некое единство, целостность взаимосвязанных между собой исторических, экономических, политических идей, процессов и закономерностей все же имеет место. Эта категория общественного и политической философии как воображаемый факт современных обществ хотя и не может быть зафиксирована в реальности, все же обладает не только описательно-классифицирующей способностью в отношении социально-политической реальности, но и в определенной степени эту реальность порождает.

Можно бесконечно спорить о классификациях Новейшей политической истории и Модерна-Современности. Где и когда начинается Модерн-Современность? Какие его сущностные признаки? Пребывает ли Россия в старом добром Модерне или становится массовым обществом потреб-

ления, либо российское общество после СССР подверглось стремительной де-модернизации и регрессу?

А может быть здесь и сейчас формируется глобальная конфигурация «радикального», «позднего» или «высокого» Модерна, столь не похожего на классический индустриально-клас-сово-идеологический Модерн? И не объясняются ли противоречивые тенденции позднего Модерна его волнообразным развитием, связанным с глобальной неодновременностью? Не может же весь мир быть похожим на классический фордовский конвейер!

Но будет этот постиндустриальный Модерн достоянием всего человечества или только стран центра капиталистической миросистемы? Или глоболизирующийся мир постепенно втягивается в отрицающий «либеральный консенсус» Контр-Модерн, несущий социальную энергию разрушения проектов Просвещения и Модерна?

Не является ли этот негативный пост-Модерн обыкновенным усложнением и дифференциацией институтов, идей и практик классического европейского Модерна, связанных с его глобализацией, отрывом от культурно-исторической прародины и охватом всего мира? Когда в результате можно наблюдать умножение эффективных моделей Модерна, Капитализма, Демократии, которые ошибочно выдаются за их преодоление? В таком случае разнообразие моделей реализации Модерна лишь подтверждает прочность и эффективность изначальных концепций и рецептов, лежащих в основании модернистских институтов, а вовсе не отрицает их!

Наконец, становится ли Модерн в связи с этим универсальной судьбой всех домодерновых и досовременных обществ, выражаясь в мощной индустрии, всеобщем образовании, широком круге социальных прав и гарантий, высоком качестве жизни, легитимности власти и политических институтов в глазах большинства населения и т.п.?

Не случайно вопросов больше, чем ответов, подходов и интерпретаций больше, чем вариантов решений. Поскольку критически охватить эпоху можно лишь тогда, когда она из становящейся обратилась в ставшую, перешла из области политики как «заботы о будущем» в область истории, пусть и Новейшей.

Нашей основной целью при написании книги была отнюдь не борьба за «правильную» классификацию Новейшей истории, относительный консенсус по поводу которой аксиоматически невозможен внутри длящейся современности. Главной задачей стало осмысление феноменологии политических изменений, происходивших в мире и в России после распада стабильной биполярной системы, по сути консервировавшей политической Модерн. Этот кризис выразился с одной стороны в деуниверсализации оснований «либерального консенсуса» мироэкономики, с другой – в разочаровании относительно возможностей глобального левого поворота к более справедливому иному будущему, олицетворением которого для мировой периферии был СССР.

Сложность задачи состояла и в том, что политические трансформации в актуальном постбиполярном мире и постсоветском обществе не всегда явно выражены институционально, не всегда имеют формально политический характер с теоретических позиций классического Модерна, не всегда могут быть адекватно описаны устаревшими «языками великих идеологий». Такие «метаморфозы Модерна» как трансформации привычных институтов и практик в постбиполярном мире, переходы от классового общества к массовому (потребительскому), стирание различий социальных групп и их превращение в виртуальные «группы населения», процессы трансгрессии привычных идеологий и легитимирующих политику ритуалов (выборы, демонстрации, опросы, референдумы и т.д.) – требуют появ-

ления новых категориальных аппаратов своего описания, все более ускользая от привычных модернистских теорий.

Более того, множественные и разнообразные трансформации Модерна, ускоренные социальными изменениями постбиполярного мира, в особенности опытом развала/распада СССР, не являются окончательными в своих существенных чертах. Поэтому не историческая обобщающая ретроспекция, а попытка прояснить направление, ценности и цели политических изменений российского общества, ведущие его в иное будущее, нежели наблюдаемое здесь и сейчас настоящее, – таков ключевой предмет книги.

Есть ли в принципе в современном мире место для новых социальных утопий, либо они тотально исчерпаны? Какие исторические рецепты и пути являются для России тупиковыми, а какие обнадеживают? Существуют ли универсальные общечеловеческие цели и ценности, достойные того, чтобы к ним стремиться? Что для этого нужно менять в актуальной капиталистической миросистеме и поддерживающем ее существование «либеральном консенсусе»? Может ли Россия прорваться из не устраивающего слишком многих, неустойчивого и асимметричного статус-кво к более справедливому будущему – таково проблемное поле, заявленное в книге.

Любая истинно политическая дискуссия – это прежде всего разговор о ценностях. А настоящая политика – это борьба основанных на ценностях социальных групп и систем реального и символического насилия за право быть легитимными. Модерн, демократия, капитализм, права человека, асимметричный рыночный обмен – это в первую очередь ценности, которые общество желает или не желает разделять. И только потом институты, практики, законы. Но разделение на факты и ценности в общественных науках никогда нельзя произвести до конца. Политология

обобщающего, нормативного уровня без ценностного бек-граунда невозможна.

Ограничение фундаментальных политологических дилемм рамками «чистого позитивизма» в качестве условия предполагает наличие трансцендентального согласия ученых по поводу методов, критериев «научности», ценностей и т.п. Однако подобное единообразие аксиом на нормативном уровне может быть только искусственным, подчиненным интересам властного субъекта, присваивающего научные коды истины/заблуждения.

Но собственно политическое мышление и есть не что иное, как перманентный конфликт аксиом, концепций, социальных групп, партий, наций. Связанное не с гегемонистским «трансцендентальным консенсусом», но с «интерсубъективным пространством» представлений, позиций и мнений. И разрешение всех этих конфликтов означает конец политики. По крайней мере, в ее модернистском понимании как публичного конфликта неразрешимого неполитическим путем.

Авторская позиция состоит в том, что ценностный нейтралитет в общественных науках, во-первых, недостижим кем-либо «до конца», даже если этот кто-то пытается вещать от имени социальных универсалий и конвенций, будь то государство, право, история, разум, бог, природа и т.п. А во-вторых, вследствие этого аморален. Так как попытка встать над спором, над политикой, социумом есть претензия на объективную позицию Бога. Подлинно научной представляется иная методологическая позиция, емко сформулированная С. Жижекком: «Нужно уметь признавать свою партикулярность. Единственный путь к универсальности проходит через партикулярность. Вопрос в том, как сделать вашу партикулярность универсальной. За этим стоит то, что я называю борьбой за гегемонию. За нее всегда

приходится бороться. Универсальность никогда не нейтральна ... в тот момент, когда вы, претендуя на универсальность, пытаетесь элиминировать позицию, из которой вы говорите, вы проиграли»¹.

Безусловно, многие тезисы, изложенные в данной книге, могут быть признаны спорными, ненаучными, субъективными, обусловленными авторским бессознательным. (Хотя сам автор считает, что классический психоанализ Зигмунда Фрейда это не более чем набор метафор, а бессознательное вообще не существует в отличие от Модерна.) Насколько автору удалось ответить на поставленные вопросы, решать читателю. Иногда правильно поставленная проблема значит больше, чем объективистский, но на самом деле идеологический и не поддающийся фальсификации ответ с позиций «здравого смысла» или «мнения большинства». Более того, «чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа» (Р. Шекли). Возможно, не на все вопросы удалось сформулировать достойный ответ. Главное, чтобы они были поставлены.

В любом случае, желание читателей поспорить, опровергнуть те или иные положения, изложенные в книге, многие из которых были специально заострены в полемических целях, автор считает главным признаком того, что книга удалась. И наоборот, согласие с авторской позицией свидетельствует лишь о том, что текст книги не проходит испытание принципом фальсификации, а следовательно не является научным.

Главный парадокс состоит в том, что окончательного диагноза относительно Современности-Модерна внутри

¹ *Жижек С.* Левые должны открыть для себя подлинно героический консервативный подход... (интервью) // http://russ.ru/politics/docs/levye_dolzhny_vnov_otkryt_dlya_sebya_p_odlinno_geroicheskij_konservativnyj_podhod#comments

нее не может знать никто. Поскольку глобальный эксперимент Модерна еще не закончен. Любые исследователи имеют право на смысловые интерпретации Модерна, но никто не способен интеллектуально и символически монополизировать Современность. И если дело обстоит именно так, то поминки по Модерну, по крайней мере, преждевременны.

С другой стороны, сами по себе попытки осмысления эпохи Модерна как «исторической» свидетельствуют о том, что она в своих ключевых чертах завершается, хотим мы того или нет. Современность, понятая и классифицированная как Модерн, постепенно становится «овеществленной историей», полем философских обобщений. Но эта овеществленность Модерна одновременно освобождает подавленное им ранее пространство альтернатив. История перестает быть Недо- и Пред-Современностью, а в пространстве самой Современности как «конца истории» возникают варианты продолжения этой истории как истории изменений к более универсальному, космополитическому и всечеловеческому будущему.